

ВСЕ РОЛИ ХОРОШИ, КРОМЕ СКУЧНЫХ

(Интервью с человеком, которого все знают)

Веселые глаза в лукавых морщинах. Непослушная прядь волос на лбу. Добродушная, располагающая улыбка. И песня — «Кружится, вертится шар голубой, кружится, вертится над головой...». Ну, конечно же, это Максим, самый веселый парень Нарвской заставы. Таким пришел он к нам с экрана в 1934-м. Таким и запомнился нам. И письма писали по адресу: Москва, Максиму. И потом, в каких бы фильмах ни появлялся он (а их почти полсотни), его узнавали сразу — Максим!

Вот и сейчас — смотрю я на Бориса Петровича Чиркова и узнаю в его седых волосах непослушный чуб Максима, вижу, что за очками ар-

тиста спрятались все те же лукавые Максимовы морщинки. И от этого узнавания легко и просто разговаривать с актером. Мы сидим в холле гостиницы «Новосибирск». Сквозь окно врывается в нашу беседу шум автобусов, говор многолюдной толпы.

— Да, шумный огромный город! Я ведь раньше бывал в Новосибирске, — рассказы-вает Б. П. Чирков. — Только это было давно — весной 41-го, буквально накануне войны. Тогда мы снимали фильм «Александр Пархоменко» (я играл Махно). В тот год весна началась на Украине рано, а зимние эпизоды еще были не закончены. Вот мы и отправились в Новосибирск до-

гонять уходящую зиму. Съемки проходили где-то на краю города, теперь трудно и отыскать то место, сейчас там, вероятно, огромный жилой массив.

— Кстати, о Махно. В своих воспоминаниях вы пишете, что эта роль была для вас несколько неожиданной.

— Верно, она вовсе не отвечала моему творческому устремлению — создавать характеры простых честных людей, убежденных в своей правоте и волевых. А Махно был враг, и я в то время впервые должен был сыграть роль так, чтобы зрители его ненавидели так же, как полюбили Максима.

— Но теперь для вас нет разграничений — по-

ложительный или отрицательный персонаж!

— Да, перефразируя Вольтера, могу сказать, что сейчас для меня все роли хороши, кроме скучных: люблю играть трагедию и бытовую драму, комедию и лирику. Вот, к примеру, три спектакля из репертура, который наш театр имени Гоголя привез в Новосибирск — «Страшный суд» [эпизодическая роль старика], «Я отвечаю за все» [хирург Богословский] и «Заговор императрицы» [Распутин]. Три роли, и очень разные. В дальнейших планах — тоже роли, абсолютно несхожие. Первая — скромный человек, бухгалтер в комедии «Да здравствует король!» и вторая работа (правда,

она в очень дальних планах) — Лев Толстой в последние годы жизни.

— Это театральные планы!

— Комедию я собираюсь играть в театре. А Толстого хотелось бы воплотить в кино, там больше возможностей.

— А какому виду искусства вы отдаете предпочтение — экрану или сцене!

— Для меня они одинаково дороги. Успехом в кино я обязан театру, в театре — кино. Вообще, эти искусства между собой связаны крепкими творческими узами, во всяком случае в плане актерском.

— Если бы я мог вернуть молодость, и мне довелось бы играть Максима, то сыграл бы совершенно иначе, чем тридцать пять лет назад. У каждого времени свои требования, свои герои.

Максим — в чем-то наивный, непосредственный, открытый человек, сейчас по своему характеру был бы другим. Таким же идейно убежденным, цельным человеком, но более сдержанным в проявлении своих чувств. Приглядитесь к нашей молодежи. Я не отнимаю у нее присутствия высоких идеалов, веры в заветы отцов, но вместе с тем ей присущи и ироничность, и смущение своих искренних порывов.

Максим, такой, каким он получился, сыграл свою роль, участвовал в воспитании целого поколения своим образом, но сейчас иное время, и его сыграли!

коммуниста требует зритель. Молодых интересует и судьба своего поколения.

Мне когда-то казалось, что кинокартины создаются на века. Но это далеко не так. Только единицы живут годы, десятилетия. Остальные сходят с экрана быстро, и не потому, что они плохи. Опять — таки время диктует свои требования. В театре спектакль может пройти двести-пятьсот раз. Почему? Да потому, что каждый новый исполнитель по-своему трактует роль, с позиций современности. А кинокартина — искусство застывшее: вышла на экран — и ничего в ней не изменишь.

— Ну, «Трилогию о Максиме», пожалуй, нельзя причислить к «застывшим фильмам». Эту ленту и сейчас смотрят с большим вниманием. А скажите, Борис Петрович, в каких кинопроизведениях вы видите последователей, преемников Максима?

— К сожалению, мне трудно назвать такую ленту и такого героя. Последнее время тема рабочего класса на экране как-то уступила иным. Разумеется, фильмы, посвященные рабочему труду, характеру, появились и появляются. Есть, конечно, среди них более удачные, менее удачные. Да и сам я снимался в двух таких — «Мятежной заставе» и трилогии «Киевлянка». Но я имею в виду другие — произведения новаторские, яркие по своей проблематике и выразительности.

— И последний вопрос — ваша любимая роль!

— Та, которую еще не сыграл.

Беседу вел В. ГОЛОВИНА.

* * *

НА СНИМКЕ: Борис Чирков.

Фото В. СКОКА.

